

36	0057	ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ	"Закипающая беда"	Часть 1 "Чёрная свечка"
		Вышла в свет в декабре 1996 г.		
37	0057-2	ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ	"Закипающая беда"	Часть 2 "Не волк я"
		Вышла в свет в 1997 г.		

ЗАКИПАЮЩАЯ БЕДА (Коренблит – Мандельштам)

От собеседника

Стихи Осипа Мандельштама достаточно непростые при прочтении, впрочем, как сложно и само время, выпавшее ему и его современникам. Талант, попавший в такую мясорубку 20-го столетия, по-видимому, мог кровоточить только такими словами. С помощью музыки я попробовал облегчить понимание его скрученной в пружину драматической судьбы в поэзии (в первую очередь, конечно себе).

"Закипающая беда" - неотвязное чувство любого здравомыслящего человека, живущего в этой стране бесконечных революций, экспериментов, переворотов и рывков, безжалостно раздавливающих все живое.

"Чёрная свечка" - самоощущение многих творческих людей, сравнивающих свою жизнь с горением роковой свечи.

"Не волк я" - некое простодушное признание людям, недостаточно верящим в истинные позитивные мотивы к действию любого творца и моей композиторской работы, в частности.

Ваш Станислав Коренблит

ЧАСТЬ 2 «НЕ ВОЛК Я»

1(27). Дурной день	- 1.14
2(28). Мой сон	- 1.01
3(29). Свежий холст	- 1.12
4(30). Закипающая беда	- 1.04
5(31). Нет, не мигрень	- 1.43
6(32). Расплата	- 3.09
7(33). Давний бред	- 1.10
8(34). Бессмысленное слово	- 1.58
9(35). Обречённый	- 0.52
10(36). Петербургская зима	- 1.08
11(37). Движеньё	- 0.50
12(38). Чёрный ангел	- 1.05
13(39). Пенье-кипенье	- 1.14
14(40). Тишина	- 0.52
15(41). Позволь	- 0.56
16(42). Не хочу	- 1.36
17(43). Не говори никому	- 0.50
18(44). Зависть	- 1.10
19(45). Взаперти	- 1.16
20(45). Взаперти	- 1.16
21(47). Вишенка	- 0.54
22(48). Московское жильё	- 1.56
23(49). В паутине	- 0.57
24(50). Чужие люди	- 1.09

25(51). На Урал	- 2.32
26(52). Гость	- 1.08
27(53). Не волк я	- 0.51
28(54). Два яблока	- 2.00
29(55). Век	- 1.14
30(56). Кто же будет?	- 2.06
<i>Общее время звучания – 40.32</i>	
<i>Общее время звучания - 68.09</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 2 «НЕ ВОЛК Я»

1. ДУРНОЙ ДЕНЬ

Сегодня дурной день,
Кузнечиков хор спит
И сумрачных скал сень
Мрачней гробовых плит.

Мелькающих стрел звон
И вещей ворон крик...
Я вижу дурной сон,
За мигом летит миг.

Явлений раздвинь грань,
Земную разрушь клеть,
И яростный гимн грянь,
Бунтующих тайн медь!

О, маятник душ строг,
Качается, глух, прям,
И страстно стучит рок
В запретную дверь к нам...

2. МОЙ СОН

Мой тихий сон, мой сон ежеминутный,
Невидимый замороженный лес,
Где носится какой-то порох смутный,
Как дивный шелест шелковых завес.

В туманных встречах и безумных спорах,
На перекрестке удивленных глаз
Невидимый и непонятный шорох
Как пепел вспыхнул и уже погас.

И как туманность одевает лица
И слово замирает на устах,
И кажется: испуганная птица
Метнулась в вечеряющих кустах.

3. СВЕЖИЙ ХОЛСТ

Умывался ночью на дворе -
 Твердь сияла грубыми звездами.
 Звездный луч, как соль на топоре,
 Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты ворота,
 И земля по совести сурова, -
 Чище правды свежего холста
 Вряд ли где отыщется основа.

Тает в бочке, словно соль, звезда,
 И вода студеная чернее,
 Чище смерть, соленее беда,
 И земля правдивей и страшнее.

4. ЗАКИПАЮЩАЯ БЕДА

Дрожжи мира дорогие -
 Звуки, слезы и труды -
 Ударенья дождевые
 Закипающей беды
 И потери звуковые
 Из какой вернуть руды?

В нищей памяти впервые
 Чуешь вмятины сырые,
 Медной полные воды -
 И идешь за ними следом,
 Сам себе не мил, неведом -
 И слепой и поводырь.

5. НЕТ, НЕ МИГРЕНЬ

- Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый -
 Ни поволоки искусства, ни красок пространства веселого...
 Жизнь начиналась в корыте картавою мокрою шепотью
 И продолжалась она керосиновой мягкой копотью.

Где-то на даче потом, в лесном переплете шагреневом,
 Вдруг разгорелась она почему-то огромным пожаром сиреневым.

- Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый -
 Ни поволоки искусства, ни красок пространства веселого.

Дальше, сквозь стекла цветные, сощурясь, мучительно вижу я:
 Небо, как палица, грозное, земля, словно плешина рыжая...

Дальше еще не припомню - и дальше как будто оборвано,
 Пахнет немного смолою да, кажется, тухлою ворванью...

- Нет, не мигрень, но холод пространства бесполого,
 Свист разрываемой марли да рокот гитары карболовой...

6. РАСПЛАТА

За то, что я руки твои не сумел удержать,
 За то, что я предал соленые нежные губы,
 Я должен рассвета в дремучем акрополе ждать.
 Как я ненавижу плакучие древние срубы.

Ахейские мужи во тьме снаряжают коня,
 Зубчатыми пилами в стены вгрызаются крепко,
 Никак не уляжется крови сухая возня,
 И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка.

Как мог я подумать, что ты возвратишься, как смел!
 Зачем преждевременно я от тебя оторвался!
 Еще не рассеялся мрак, и петух не пропел,
 Еще в древесину горячий топор не врезался.

Прозрачной слезой на стенах проступила смола,
 И чувствует город свои деревянные ребра,
 Но хлынула к лестницам кровь и на приступ пошла.
 И трижды приснился мужам соблазнительный образ.

Где милая Троя? Где царский, где девичий дом?
 Он будет разрушен, высокий Пирамов скворешник.
 И падают стрелы сухим деревянным дождем,
 И стрелы другие растут на земле, как орешник.

Последней звезды безболезненно гаснет укол,
 И серою ласточкой утро в окно постучится,
 И медленный день, как в соломе проснувшийся вол,
 На стогах шершавых от долгого сна шевелится.

7. ДАВНИЙ БРЕД

Я ненавижу свет
 Однообразных звезд.
 Здравствуй, мой давний бред -
 Башни стрельчатой рост!

Кружевом, камень, будь,
 И паутиной стань;
 Неба пустую грудь
 Тонкой иглою рань.

Будет и мой черед -
 Чую размах крыла.
 Так - но куда уйдет
 Мысли живой стрела?

Или, свой путь и срок
 Я, исчерпав, вернусь:
 Там - я любить не мог,

Здесь - я любить боюсь...

8. БЕССМЫСЛЕННОЕ СЛОВО

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем,
И блаженное, бессмысленное слово
В первый раз произнесем.
В черном бархате советской ночи,
В бархате всемирной пустоты,
Все поют блаженных жен родные очи,
Все цветут бессмертные цветы.

Дикой кошкой горбится столица.
На мосту патруль стоит,
Только злой мотор во мгле промчится
И кукушкой прокричит.
Мне не надо пропуска ночного,
Часовых я не боюсь:
За блаженное бессмысленное слово
Я в ночи советской помолюсь.

Слышу легкий театральный шорох
И девическое "ах" -
И бессмертных роз огромный ворох
У Киприды на руках.
У костра мы греемся от скуки,
Может быть, века пройдут
И блаженных жен родные руки
Легкий пепел соберут.

Где-то грядки красные партера,
Пышно взбиты шифоньерки лож;
Заводная кукла офицера;
Не для черных душ и низменных святош...
Что ж, гаси, пожалуй, наши свечи
В черном бархате всемирной пустоты,
Все поют блаженных жен крутые плечи,
А ночного солнца не заметишь ты.

9. ОБРЕЧЕННЫЙ

Холодок щекочет темя
И нельзя признаться вдруг, -
И меня срезает время,
Как скосило твой каблук.

Жизнь себя перемогает,
Понемногу тает звук,
Все чего-то не хватает,
Что-то вспомнить недосуг.

А ведь раньше лучше было,
И, пожалуй, не сравнишь.
Как ты прежде шелестела,
Кровь, как ныне шелестишь.

Видно, даром не проходит
Шевеленье этих губ,
И вершина колобродит,
Обреченная на сруб.

10. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЗИМА

Вы, с квадратными окошками невысокие дома -
Здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая зима.

И торчат, как щуки ребрами, незамерзшие катки,
И еще в прихожих слепеньких валяются коньки.

А давно ли по каналу плыл с красным обжигом гончар,
Продавал с гранитной лесенки добросовестный товар.

Ходят боты, ходят серые у гостиного двора,
И сама собой сдирается с мандаринов кожура.

И в мешочке кофий жареный, прямо с холоду домой,
Электрической мельницей смолот мокко золотой.

Шоколадные, кирпичные, невысокие дома.
Здравствуй, здравствуй, петербургская несуровая зима.

И приемные с роялями, где по креслам рассадив,
Доктора кого-то потчуют ворохами старых "Нив".

После бани, после оперы, все равно, куда ни шло.
Бестолковое последнее трамвайное тепло.

11. ДВИЖЕНИЕ

На мертвых ресницах Исакий замерз
И барские улицы сини -
Шарманщика смерть и медведицы ворс
И чужие поленья в камине.

Уже выгоняет выжлятник товар -
Линеек раскидистых стайку -
Несется земля - мебелированный шар, -
И зеркало корчит всезнайку.

Площадками лестниц разлад и туман -
Дыханье, дыханье и пенье -
И Шуберта в шубе застыл талисман -
Движенье, движенье, движенье...

12. ЧЁРНЫЙ АНГЕЛ

Как Чёрный ангел на снегу,
 Ты показалась мне сегодня,
 И утаить я не могу,
 Есть на тебе печать Господня.
 Такая странная печать -
 Как бы дарованная свыше -
 Что, кажется, в церковной нише
 Тебе назначено стоять.
 Пускай нездешняя любовь
 С любовью здешней будут слиты,
 Пускай бушующая кровь
 Не перейдет в твои ланиты
 И пышный мрамор оттенит
 Всю призрачность твоих лохмотий,
 Всю наготу нежнейшей плоти,
 Но не краснеющих ланит.

13. ПЕНЬЕ - КИПЕНЬЕ

Душу от внешних условий
 Освободить я умею,
 Пенье-кипенье крови
 Слышу и быстро хмелею.

И вещества мне родного
 Где-то на грани томленья
 В цепь сочетаются снова
 Первоначальные звенья.

Там, в беспристрастном эфире,
 Взвешены сущности наши -
 Брошены звездные гири
 На задрожавшие чаши.

И в ликование предела
 Есть упоение жизни -
 Воспоминание тела
 О неизменной отчизне.

14. ТИШИНА

Смутно-дышащими листьями
 Черный ветер шелестит
 И трепещущая ласточка
 В темном небе круг чертит.

Тихо спорят в сердце ласковом,
 Умирающем моем...
 Наступающие сумерки
 С догорающим лучом.

И над лесом вечеряющим
 Стала медная луна.
 Отчего так мало музыки
 И такая тишина?

15. ПОЗВОЛЬ

Воздух пасмурный влажен и гулок;
 Хорошо и не страшно в лесу.
 Легкий крест одиноких прогулок
 Я покорно опять понесу.

И опять к равнодушной отчизне
 Дикой уткой взовьется упрек, -
 Я участвую в сумрачной жизни
 И невинен, что я одинок!

Выстрел грянул. Над озером сонным
 Крылья уток теперь тяжелы,
 И двойным бытием отраженным
 Одурманены сосен стволы.

Небо тусклое с отсветом странным -
 Мировая туманная боль -
 О, позволь мне быть так же туманным
 И тебя не любить мне позволь.

16. НЕ ХОЧУ

Осенний сумрак - ржавое железо -
 Скрипит, поёт и разъедает плоть...
 Что весь соблазн и все богатства Креза
 Пред лезвием Твоей тоски, Господь?

Я, как змеей танцующей, измучен
 И перед ней, тоскуя, трепещу.
 Я не хочу души своей излучин,
 И разума, и Музы не хочу.

Достаточно лукавых отрицаний
 Распутывать извилистый клубок;
 Нет стройных слов для жалоб и признаний,
 И кубок мой тяжел и неглубок.

К чему дышать? На жестких камнях пляшет
 Больной удав, свиваясь и клубясь;
 Качается и стан свой опояшет
 И падает, внезапно утомясь.

И, бесполезно, накануне казни,
 Видением и пеньем потрясен,
 Я слушаю, как узник, без боязни

Железа визг и ветра темный стон.

17. НЕ ГОВОРИ НИКОМУ

Не говори никому,
Всё, что ты видел, забудь -
Птицу, старуху, тюрьму
Или ещё что-нибудь...

Или охватит тебя,
Только уста разомкнёшь,
При наступлении дня
Мелкая хвойная дрожь.

Вспомнишь на даче осу,
Детский чернильный пенал
Или чернику в лесу,
Что никогда не собирал.

18. ЗАВИСТЬ

Вооруженный зреньем узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную,
Я чую все, с чем свидетелься пришлось,
И вспоминаю наизусть и все.

И не рисую я, и не пою,
И не вожу смычком черноголосым:
Я только в жизнь впиваюсь и люблю
Завидовать могучим хитрым осам.

О, если б и меня когда-нибудь могло
Заставить, сон и смерть минуя,
Стрекало воздуха и летнее тепло
Услышать ось земную, ось земную...

19. ВЗАПЕРТИ

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок...
От замкнутых я что ли пьян дверей? -
И хочется мычать от всех замков и крепок.

И переулков лающих чулки,
И улиц перекошенных чуланы,
И прячутся поспешно в уголки,
И выбегают из углов угланы.

И в яму, бородавчатую темь
Скольжу к обледенелой водокачке,
И, спотыкаясь, мёртвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке.

И я за ними ахаю, стуча

В какой-то мёрзлый деревянный гроб:
 - Читателя! советчика! врача!
 На лестнице ключей - разговора б!

20. ДЕРЖУ ПАРИ

Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем!
 Я нынче славным бесом обуян,
 Как будто в корень голову шампунем
 Мне вымыл парикмахер Франсуа.

Держу пари, что я ещё не умер,
 И, как жокей, ручаюсь головой,
 Что я ещё могу набедокурить
 На рысистой дорожке беговой.

Держу в уме, что нынче тридцать первый
 Прекрасный год в черёмухах цветёт,
 Что возмужали дождевые черви,
 И вся Москва на яликах плывёт.

Не волноваться. Нетерпенье - роскошь,
 Я постепенно скорость разовью -
 Холодным шагом выйдем на дорожку -
 Я сохранил дистанцию мою.

21. ВИШЕНКА

Нет, не спрятаться нам от великой муры
 За извозчичью спину - Москву -
 Я трамвайная вишенка страшной поры
 И не знаю - зачем я живу.

Мы с тобой поедem на "А" и на "Б"
 Посмотреть, кто скорее умрёт.
 А она - тоже сжимается как воробей,
 То растёт, как воздушный пирог,

И едва успеваeт грозить из дупла -
 Ты - как хочeшь, а я не рискну,
 У кого под перчаткой не хватит тепла,
 Чтоб объехать всю курву-Москву.

22. МОСКОВСКОЕ ЖИЛЬЁ

Квартира тиха, как бумага -
 Пустая без всяких затей -
 И слышно, как булькает влага
 По трубам внутри батарей.

Имущество в полном порядке,
 Лягушкой застыл телефон,
 Видавшие виды манатки

На улицу просятся вон.

А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать -
А я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть...

Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни наглей,
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей.

Пайковые книги читаю,
Пеньковые речи ловлю,
И грозное баюшки-баю
Кулацкому паю пою.

Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель
Достоин такова рожна.

Какой-нибудь честный предатель,
Проваренный в чистках, как соль,
Жены и детей содержатель -
Такую ухлопает моль...

И столько мучительной злости
Таит в себе каждый намёк,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.

И вместо ключа Ипокрены
Давнишнего страха струя
Ворвётся в халтурные стены
Московского злого жилья.

23. В ПАУТИНЕ

Я нынче в паутине световой -
Черноволосой, светлорусой -
Народу нужен свет и воздух голубой,
И нужен хлеб и снег Эльбруса.

И не с кем посоветоваться мне,
А сам найду его едва ли -
Таких прозрачных плачущих камней
Нет ни в Крыму, ни на Урале.

Народу нужен стих таинственно-родной,
Чтоб от него он вечно просыпался
И льянокудрою каштановой волной -

Его дыханьем умывался.

24. ЧУЖИЕ ЛЮДИ

Как кони медленно ступают,
Как мало в фонарях огня!
Чужие люди, верно, знают,
Куда везут они меня.

А я вверяюсь их работе,
Мне холодно, я спать хочу;
Подбросило на повороте
На встречу звёздному лучу.

Горячей головы качанье
И нежный лёд руки чужой,
И тёмных елей очертанья,
Ещё невиданные мной.

25. НА УРАЛ

День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток
Я, сжимаясь, гордился пространством за то, что росло на дрожжах.
Сон был старше, чем слух, слух был старше, чем сон - слитен, чуток...
А за ними неслись большаки на ямщицких вожжах...

День стоял о пяти головах и, чумея от пляса,
Ехала конная, пешая, шла черноверхая масса:
Расширеньем арты могущества в белых ночах, - нет, в ножах -
Глаз превращался в хвойное мясо.

На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко,
Чтобы двойка конвойного времени парусами неслась хорошо.
Сухомятная русская сказка! Деревянная ложка - ау!
Где вы, трое славных ребят из железных ворот ГПУ?

Чтобы Пушкина чудный товар не пошел по рукам дармоедов,
Грамотеет в шинелях с наганами племя пушкиноведов -
Молодые любители белозубых стихков,
На вершок бы мне синего моря, на угольное только ушко!

Поезд шёл на Урал. В открытые рты нам
Говорящий Чапаев с картины сказал звуковой -
За бревенчатым тыном, на ленте простынной
Умереть и вскочить на коня своего!

26. ГОСТЬ

Я с дымящей лучиной вожу
К шестипалой неправде в избу:
Дай-ка я на тебя погляжу -
Ведь лежать мне в сосновом гробу!

А она мне солёных грибков

Вынимает в горшке из-под нар,
А она из ребячьих пупков
Подаёт мне горячий отвар.

- Захочу, - говорит, - дам ещё...
Ну, а я не дышу, - сам не рад.
Шасть к порогу - куда там! - В плечо
Уцепилась и тащит назад.

Тишь да глушь у неё, вошь да мша,
Полуспаленка, полутюрьма.
- Ничего, хороша, хороша!
Я и сам ведь такой же, кума.

27. НЕ ВОЛК Я

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей, -

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.

Уведи меня в ночь, где течёт Енисей,
И сосна до звезды достаёт,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьёт.

28. ДВА ЯБЛОКА

Нет, никогда ничей я не был современник,
Мне не с руки почёт такой.
О как противен мне какой-то соименник,
То был ни я, то был другой.

Два сонных яблока у века-властелина
И глиняный прекрасный рот,
Но к млеющей руке стареющего сына
Он, умирая, припадает.

Я с веком поднимал болезненные веки -
Два сонных яблока больших,
И мне гремучие рассказывали реки
Ход воспалённых тяжб людских.

Сто лет тому назад подушками белела
Складная лёгкая постель,
И странно вытянулось глиняное тело, -
Кончался века первый хмель.

Среди скрипучего похода мирового
Какая лёгкая кровать.
Ну что же, если нам не выкопать другого,
Давайте с веком вековать.

И в жаркой комнате, в кибитке и в палатке
Век умирает - а потом
Два сонных яблока на роговой облатке
Сияют перестым огнём.

29. ВЕК

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью слепит
Двух столетий позвонки?
Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней.

Тварь, покуда жизнь хватает,
Донести хребет должна,
И невидимым играет
Позвоночником волна.
Словно нежный хрящ ребёнка -
Век младенческой земли,
Снова в жертву, как ягнёнка,
Темя жизни принесли.

Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.
Это век волну колышит
Человеческой тоской,
И в траве гадюка дышит
Мерой века золотой.

И ещё набухнут почки,
Брызнет зелени побег,
Но разбит твой позвоночник,
Мой прекрасный жалкий век.
И с бессмысленной улыбкой
Вспять глядишь, жесток и слаб,
Словно зверь, когда-то гибкий,

На следы своих же лап.

30. КТО ЖЕ БУДЕТ?

Не мучнистой бабочкою белой
В землю я заемный прах верну.
Я хочу, чтоб мыслящее тело
Превратилось в улицу, в страну -
Позвоночное, обугленное тело,
Осознавшее свою длину.

Возгласы темнозелёной хвои -
С глубиной колодезной венки -
Тянут жизнь и время дорогое,
Опершись на смертные станки,
Обручи краснознаменной хвои -
Азбучные, круглые венки.

Шли товарищи последнего призыва
По работе в жестких небесах,
Пронесла пехота молчаливо
Восклицанья ружей на плечах.

И зенитных тысячи орудий -
Карих то зрачков иль голубых -
Шли нестройно - люди, люди, люди -
Кто же будет продолжать за них?